

Ed Greenwood

THE KINGLESS
LAND

❧ A TALE OF THE BAND OF FOUR ❧

A TOM DOHERTY ASSOCIATES BOOK
NEW YORK

Эд Гринвуд

ЗЕМЛЯ
БЕЗ КОРОЛЯ

❧ ИЗ ИСТОРИЙ О БАНДЕ ЧЕТЫРЕХ ❧

МОСКВА

ЭКСМО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОМИНО

2004

ВЛАДЫЧИЦА САМОЦВЕТОВ

НОЧЬЮ вода в Змеистой холодна. Хоукрил изрядно заоченел, пока плыл, стараясь сохранять ровный темп, к сплошной стене мрака — именно так выглядел глубокой ночью замок, — надеясь на то, что рядом не окажется ни бдительного стража, который сможет слышать стук зубов плывшего рядом Краера, ни водяной змеи.

Но, с другой стороны, что могла значить какая-то пара голодных челюстей? Они и так были вне закона, и, пожалуй, в окрестностях не нашлось бы ни одного человека, который не представлял бы для них опасности. Случайная волна неожиданно хлестнула в лицо Хоукрилу, в то время как он вспоминал отчаянный план, который они составили, сидя у жалкого костерка высоко в Диких скалах.

Тогда было тоже холодно, и он пытался убедить своего говорливого и остроумного товарища, смахивающего длинными конечностями на паука, в том, что лучше всего найти себе теплое убежище до начала зимних снегопадов.

— На какие шиши? — прорычал Краер.

— Нам поможет твоё остроумие, Длиннопалый, — почти весело ответил латник.

Он отлично знал, что у них обоих не хватит денег даже на покупку топора, чтобы рубить дрова. Краер Делнбон был весьма сообразительным человеком (ни один армейский квартирмейстер не смог бы преуспеть, не имея этого качества). В конце концов, слово «квартирмейстер» — так назывались десятники или сотники, устраивавшие войско на постой, добывавшие провиант и фураж для лошадей, — было просто красивой заменой для другого слова, знакомого всем гораздо лучше: вор.

— Есть только два места, где денег достаточно для того, чтобы можно было бы поделиться ими с другими, — вслух рассуждал Краер. — Это Силптар, где слишком уж много, на мой вкус, всяких волшебников, обожающих совать носы в чужие дела, и Серебряное Древо, где нас уже успели объявить врагами и приговорить к смерти.

— Я так и знал, что нам в конце концов придется напасть на самого сильного и опасного врага, какого ты только способен подыскать, — откликнулся Хоукрил. — А как мы узнаем, где Фаерод держит свое золото? Его замок занимает весь остров! К тому же там живет и этот колдун Гадастер!

Краер улыбнулся и с важным видом поделился с товарищем хорошей новостью:

— Я слышал разговор двух торговцев в Дранмаере. Они хвастались своим положением и подсчитывали прибыль от торговли в Серебряном Древе. Один из них сказал, что старый Мулкин помер, пока мы были на войне. Они гадали, кто мог бы его заменить, и сошлись на том, что если Аглитрта ничего не слышала ни о ком из его преемников, то они не могут считаться могущественными магами, что они прежде не служили у какого-нибудь еще из владетелей Долины и по-

тому наверняка куда слабее в волшебстве, чем покойный Гадастер. Значит, у нас прибавляется надежд на то, что они не смогут обнаружить и выследить двоих воров-тряпичников.

— Тряпичников? — покорно переспросил Хоукрил, поскольку хорошо знал, что от него ждут именно этой реплики.

— Кто самая богатая женщина во всех баронствах? — осведомился Краер.

Хоукрилу не понадобилось долго морщить лоб.

— Владычица Самоцветов, — ответил он. — По крайней мере, так говорят.

— Совершенно верно, — согласился квартирмейстер, церемонно отрезая крошечный кусочек от недавно украденного и теперь зажаренного на ужин ягненка.

Латник бесцеремонно ткнул носком сапога Краера в бедро, и квартирмейстер торопливо продолжил:

— Высокая дамочка, красивая, во всяком случае, так о ней рассказывают. Но ее уже давно никто не видел. Хотя не многие по доброй воле приходили в замок Серебряного Древа и даже призывались туда по каким-то делам. Она носит платья, украшенные драгоценными камнями, в этом сходятся все рассказчики. Точно так же она одевалась, еще когда была девчонкой-подростком. Я своими глазами видел ее... *и еще* ее охранников, всех сорока трех.

— Что, не слишком приятное воспоминание?

Краер пожал плечами и старательно облизал жир с пальцев.

— Но ведь я сижу здесь, треплюсь с тобой, и руки и ноги у меня на месте, скажешь нет?

Хоукрил ухмыльнулся.

— Значит, я не ошибусь, если скажу, что в тот день она не потеряла ни одного камешка со своего подола?

Квартирмейстер театрально вздохнул и сказал, разглядывая ногти:

— Я думал, что если оставлю девушку в покое на этот раз, то она сможет хорошенько подрасти, ну и ее платья тоже сделаются намного больше, и в один прекрасный день мне удастся собрать куда более обильный урожай драгоценностей...

— Мы ходили завоевывать острова, — медленно и очень внятно проворчал Хоукрил, — а теперь, получается, обсуждаем, как лучше украсть *бабы тряпки*?

— Но ведь это не простая баба, — напомнил Краер. — И, отшельница она или нет, вряд ли она может быть невинной или хотя бы порядочной девушкой — ведь, в конце концов, она дочь барона Фаерода, она Владычица Самоцветов, прославленная праздной роскошью жизни. У нее небось сорок платьев, усеянных драгоценными камнями, а ведь тело, на которое их можно надевать, только одно. Да что там сорок, у нее наверняка целые шкафы, даже комнаты забиты платьями, которые ей уже так надоели, что она больше никогда их не наденет. Мы только сослужим ей добрую службу, если избавим от забот хотя бы об одной юбке. А нам и нужна-то всего одна, чтобы пять или шесть лет полоскать глотки вином и найти добрых бабенок в Силпtare или даже в легендарном Реншоуне, что за Заколдованным морем.

Хоукрил пожал плечами. Краеру снова удалось убедить его.

— Ну что ж, если так... — протянул он.

— Да, нас вполне могут прикончить, — прошипел ему в ухо квартирмейстер, — но уж лучше погибнуть по-мужски, в бою, вместо того чтобы сидеть с голодным брюхом и дрожать от холода долгими зимними ночами, ожидая, что волки вот-вот разорвут нас. Правда?

Вода снова плеснула Хоукрилу в лицо и смыла воспоминания о нежном, жирном мясе ягненка. Если бы можно было продолжать разговаривать, то, конечно, квартирмейстер, плывущий рядом, с легкостью обосновал бы абсолютную необходимость этой кражи — *кражи бабьего платья!* Гнусь, поганая гнусь, разрази ее гром!

Но они находились уже совсем близко от мрачных каменных стен, и лучше было хранить молчание. Ледяной ветер, поднимающий рябь на воде, вполне мог бы донести любой звук до ушей охраняющего замок волшебника. Томящийся от скуки маг обмочился бы от радости, предчувствуя кровавую расправу над парой дерзких преступников, которые осмелились посягнуть на неприкосновенность острова, где располагался замок Серебряного Древа.

Почему, ну почему он позволил Длиннопалому уговорить его на эту безумную затею? Они решили забраться в замок, украсть платье и еще что-нибудь достаточно дорогое с виду — лишь бы небольшое и легкое, да не явно волшебное — и улепетывать, не жадничая.

Замок Серебряного Древа занимал весь остров на Серебряной реке. По крайней мере, стены возвышались прямо над водой. И сейчас каменная твердыня грозно вздымалась к черному небу как раз перед ними, словно воздетая черная рука в латной рукавице, готовая опуститься и сокрушить все, что попадет под нее.

Вся страна знала о том, что на нижней оконечности острова, возле большого парка, или, скорее, даже рощи, находился дворец, где и обитала госпожа Эмбра Серебряное Древо, прекраснеликая Владычица Самоцветов, которую давно уже никто не видел. А лодочные причалы и настоящий замок Серебряного Древа

располагались на противоположном конце. Почти отвесные, усеянные многочисленными бойницами стены — такие окружали обитель каждого властолюбивого барона — вырастали из скалистых корней острова подобно огромному щиту, преграждающему путь незванным гостям. Например, двоим отчаянным преступникам из разгромленной армии Эзендора, барона Черных Земель.

Значки с изображением золотого грифона, которые они с такой гордостью носили, теперь могли сулить им только смертный приговор... а прославленному своей жестокостью человеку, находившемуся где-то на этом погруженном во мрак ночи острове, достаточно было одержать лишь несколько побед с помощью подвластных ему баронов Бростоса, Маерлина и Орнентара, чтобы получить королевский трон, тот самый трон, до которого лишь немного не дотянулся барон Черных Земель. Этот человек на острове и был самой большой и опасной из всех змей, которые когда-либо встречались в водах Серебряной реки и на ее берегах.

По реке снова пробежала легкая рябь, и плеск воды приглушил гневный возглас, все-таки вырвавшийся у Хоукрила.

Командование взял на себя Краер. Они вошли в воду не раньше и не позже, чем полностью сгустилась ночная тьма и над рекой поднялся туман, обещавший надежно укрыть пловцов от глаз наблюдателей на мрачной крепостной стене. Единственная возможность достичь острова, не выбившись из сил, состояла в том, чтобы плыть по течению — сначала добраться до причалов, а потом позволить реке нести их вдоль укрепленной береговой линии туда, где прямо из воды поднимался скалистый утес — единственная зацепка на

всем протяжении непрístupных стен замка. Там тоже когда-то был причал, но его разрушили по приказу Фаерода Серебряное Древо, охранявшего свою дочь от незваных гостей.

Они могли рассчитывать живыми добраться до замка лишь в том случае, если окажутся на берегу до восхода луны. При ярком ее свете даже сонные стражники вряд ли не заметят на воде две головы, упорно приближающиеся к острову.

Старушка-луна, не спеши... задержиись хоть немного...

— Ну, вот мы и на месте, — почти беззвучно прошептал Краер; Хоукрил с трудом разобрал его слова.

Пока оба пловца на ощупь выбирались из воды по мокрым, осклизлым камням, квартирмейстер так же чуть слышно добавил:

— Похоже, мы просидели в этой чертовой реке всю ночь!

Он изогнулся всем телом, точь-в-точь как угорь, и вцепился пальцами в выщербленный склон скалы. Оба вора несли заплечные мешки, а оружие держали в густо смазанных гусиным жиром ножнах, оба были и мокрыми, и замерзшими, и исполненными сомнений насчет своего смелого — во имя Трех, лучше уж посмотреть правде в глаза и назвать его дурацким — плана.

— Готов? — прошептал Краер прямо в ухо Хоукрилу, когда латник вскарабкался на небольшой уступ рядом с ним, стянул сапог и вылил из него воду.

— Нет, но если нам попадется стражник, я всегда смогу утопить его в воде, оставшейся в другом сапоге, — пробормотал прославленный мастер меча, не спеша натягивая обувь.

Оба злоумышленника были в легких кожаных костюмах без боевой подкладки — намокая, она ста-

новились слишком уж тяжелой и помешала бы плыть и карабкаться по скалам. В этом месте стены были сложены из грубого необработанного камня, и по ним можно было взобраться. Без сомнения, владельцы Серебряного Древа уже много лет не утруждали себя мыслями о ворах — грабителей становилось все меньше и меньше, и они были достаточно трусливы для того, чтобы посягнуть на наследственное имущество баронов, знаменитых своей жестокостью и пристрастием к пыткам, а также широко ведущих торговлю рабами. Похоже, что последний из цветков с этого куста, барон Фаерод, был не более бдителен, чем его предки.

— Что ж, раз так, то теперь этот глупец обречен, — с саркастической ухмылкой говорил себе Краер, обтирая пальцы о камень, пока не счел их достаточно сухими. Тогда он поднялся и принялся нащупывать первые ненадежные зацепки.

Дворец находился где-то на дальней стороне острова, а неподалеку от него стояла на якоре баронская барка. По слухам, на ней жили неусыпные стражники Серебряного Древа, следя за тем, чтобы враги барона не вздумали использовать его корабль.

Обнадеживало то, что именно здесь, где прежде находились причал и павильон и куда сегодня пробрались двое отчаянных парней, вроде бы никто не жил и никто даже не охранял стены.

— Отчаянных или просто безмозглых, — проворчал Краер, не осознавая, что говорит вслух, до тех пор, пока не услышал снизу ответ Хоукрила:

— Вы, сударь, несомненно отчаянный человек. А я так просто безмозглый. Или вы со мной не согласны?

Краер усмехнулся в темноту и, не ответив приятно, продолжал карабкаться по стене. Подъем был

легким — слишком легким, предупреждали его старые инстинкты, — и вот уже показались зубцы с бойницами, увенчивавшие стену. Он не замечал никаких признаков стражи, но все же...

Изловчившись, стараясь двигаться беззвучно, чтобы можно было услышать даже свист заносимого для удара клинка, бывший квартирмейстер подтянулся и очутился на гладком каменном полу, густо усыпанном птичьим пометом — ободряющий признак отсутствия какого-либо надзора — между двумя зубцами. Стена была толстой, и здесь, на самой ее вершине, не было видно никаких следов от многолетнего воздействия непогоды. Никаких следов...

Почувствовав, что волосы на затылке встают дыбом, насуспенный Краер отвязал от одежды один из двух своих кинжалов. Затем, с трудом сглотнув слюну, пополз вперед, чтобы освободить место для Хоукрила. Тот уже нетерпеливо постукивал пальцами по его ноге, стремясь поскорее избавиться от угрозы губительного падения в холодную реку, которая, казалось, упорно дожидалась жертв.

Изнутри вдоль стены проходила прямая, даже не огороженная перилами галерея, тянувшаяся в обе стороны, насколько хватало глаз, на высоте в три человеческих роста. Ее не разрывали ни башни, ни площадки, ни лестницы. Галерея была совсем пуста; неподалеку от нее плотной шеренгой выстроились темные деревья. Ниоткуда ни доносилось ни звука, не ощущалось никакого присутствия человека. Казалось, ловушек или капканов здесь тоже не было, но, по правде говоря, рассмотреть что-то можно было лишь на расстоянии нескольких шагов, а дальше все терялось в темноте.

Некоторые заколдованные предметы испускают слабый звук, нечто вроде монотонного напева, но здесь не было слышно и такого звука. Ветви подстриженных деревьев не мешали свободно проходить по роще. Краер внимательно осмотрел безлюдную стену, нахмурился, но так и не смог найти ничего опасного. За спиной он скорее ощущал, чем слышал тяжелое дыхание Хоукрила. И все же что-то было не так...

Он обернулся и дважды легонько стукнул латника по руке — принятый в армии Черных Земель сигнал: жди молча и ничего не делай, пока не получишь приказа, — а затем тронулся вперед. Он двигался очень медленно, низко пригнувшись, и все время шарил рукой в пространстве перед собой от уровня пояса до плеч, чтобы вовремя заметить туго натянутую бечеву, которая соединена со спрятанной в темной листве смертоносной стрелой. Но ничего подобного ему не попало.

Аккуратно развязав шпагат, которым для страховки была прикреплена его шпага, Краер обнажил гибкий, словно хлыст, клинок и сделал несколько взмахов. Лезвие, покрытое специальным воронением, было темным; лишь жир, которым они намазали оружие для защиты от ржавчины, слабо сверкнул в первом свете восходящей луны. Ничего не случилось, даже после того как он дотянулся острием до пола и сильно нажал. В конце концов он вздохнул, пожал плечами и соскочил на галерею, сердцем чувствуя, что совершает грубую ошибку.

Да, это действительно было ошибкой, но Хоукрил присоединился к нему прежде, чем что-то ухватило Краера за ногу. Он дернулся в сторону и услышал, как рвется его кожаный костюм. Взглянув вниз, он увидел, что в него вцепилась выросшая из камня по-

чти человеческая рука. Вторая тянулась к Хоукрилу... и третья!

— Берегись! — рывкнул Краер, отталкивая от себя латника. По его телу пробежал озноб: из камня высовывались все новые и новые пальцы. — Прыгай! — прошипел он. — Надо уходить, пока...

Безжалостные каменные руки тянулись к ним со всех сторон.

— Вражьи рога! — выругался Хоукрил и изо всех сил рубанул по рукам своим боевым мечом.

Краер услышал хруст камня, треск разлетающихся осколков и в следующее мгновение наклонился и принялся колотить эфесом своей шпаги по каменным рукам, которые теперь с сокрушительной силой стискивали его лодыжки.

— Прочь со стены! — прорычал он Хоукрилу, держась, топая ногами и отбиваясь от врезающихся в плоть колдовских пальцев.

Он услышал, как рослый латник зарычал от усилия, а потом последовал удар, от которого нога Краера сразу же онемела. Он почувствовал, что в башмак его потекла влажная струйка, но тут же понял, что свободен, и рванулся в сторону, подогнув колени, чтобы приземлиться туда, где, как он надеялся, была ровная земля, а не уставленные остриями вверх пики или жадные челюсти какой-нибудь хищной твари.

Приземлился он на рыхлую землю и сухие листья, которые мягко подались под ним, поспешно откатился в сторону, и в тот же миг сверху совсем рядом с ним грохнулся латник. Квартирмейстер почувствовал еще один удар по ноге... а затем воцарилась тишина. Он торопливо глотнул воздуха и, вскочив на ноги, обернулся к Хоукрилу.

— Тут может быть заклятие тревоги! Быстро убираемся прочь!

В ответ латник громко застонал, выругался и принялся тяжело, чуть ли не с неохотой подниматься на ноги, страхивая со спины обломанные ветви какого-то колючего куста, густо усыпанного ягодами. Выпрямившись, Хоукрил посмотрел вниз, убедился в том, что растение, каким бы оно ни было, безнадежно сломано, неловко, прихрамывая, выбрался из остатков куста и шагнул на темную даже в ночной мгле полосу, похожую на поросшую мхом тропинку. Открывшийся впереди сад казался лабиринтом из посеребренных лунным светом древесных стволов, кустов, извилистых дорожек и смутно различимых цветочных клумб. В темноте казалось, что вся поверхность земли покрыта невысокими кочками.

Краер, уже успевший сделать несколько шагов, присел на корточки и внимательно взгляделся в дорожку, одновременно натягивая мягкие (и очень мокрые) кожаные перчатки.

— Я слышал, что барон охотится здесь на оленей, — пробормотал он, — а дочь его частенько бродит без дела среди цветов. Наверно, это как раз одно из таких мест.

Не добавив ни слова, квартирмейстер ткнул пальцем в темноту и, пригнувшись, побежал трусцой вперед. Он, казалось, прихрамывал. Стараясь не обращать внимания на собственные ушибы, Хоукрил поплелся за ним. На ходу он ворчал себе под нос:

— Если она шляется по саду прямо сейчас, в темноте, то, уж конечно, не без дела. Разве что она такая же ненормальная, как и мы.

Ни тот ни другой не оглянулись и потому не увидели, что по стене пробежала рябь и она вздулась, как

будто это была не старинная кладка из массивных камней, а тесто для пудинга.

Один из зубцов вдруг накренился внутрь и повалился, но, вместо того чтобы с грохотом рассыпаться на отдельные кирпичи, массивный обломок, казалось, перетек через галерею и плавно и беззвучно соскользнул вниз. Оказавшись на измятой клумбе, посреди которой незадолго до того приземлились двое пришельцев, обломок резко остановился, его форма начала изменяться. Когда он снова зашевелился, то посреди поломанных кустов и цветов возникла похожая на человеческую фигура — рыцарь, с головы до ног в броне, с опущенным забралом и воздетым вверх каменным мечом в правой руке. На левой руке можно было разглядеть боевую перчатку.

Каменный рыцарь двигался скованно, словно неуверенно чувствовал себя в мире, куда только что попал, но направление его движения было совершенно ясным: вслед за злоумышленниками. Оружие было готово для убийства.

Хоукрил вытянул шею и прислушался. Сзади доносился слабый шорох потревоженной листвы. Он нахмурился.

— Собаки? — встревоженно спросил он. И сам же ответил: — Нет, что-то помедленней...

— Шевелись! — бросил Краер, переходя на рысь. Он хромал, и выражение его лица было весьма безрадостным. — Думаю, мы довольно скоро узнаем, что это такое. — Сделав еще несколько шагов, он резко свернул в сторону. — А вот и цветники!

— Откуда эта внезапная любовь к цветам? — рявкнул Хоукрил. — Сейчас, пожалуй, немного темновато для того, чтобы любоваться цветочками!

Квартирмейстер взглянул на него с жалостью, как на слабоумного.

— Если госпожа Эмбра время от времени прогуливается среди цветников, то, скорее всего, в эти самые цветники не выпускают никаких сторожевых собак и других опасных тварей, — снисходительно объяснил он. — Ну что, дубина, дошло до тебя?

А шелест листвы и треск сломанных веток раздавались все ближе и ближе.

— Туда, — сказал Хоукрил в спину своему товарищу по оружию и устремился вслед за запыхавшимся квартирмейстером в сторону освещенных лунным светом клумб.

Луна уже поднялась довольно высоко, и открытое место впереди сияло, как озаренный светом множества свечей клинок меча в лавке оружейника. А на этом светлом фоне выделялась темная громада: поднявшийся на задние лапы дракон с направленным на дерзких пришельцев сверкающим взглядом.

Хоукрил невольно вскрикнул. Впервые за все время, прошедшее с начала предприятия, у него перехватило дух.

— Что это значит, друг Краер? Мы так торопимся помереть?

— Чего-чего?

— Вон, смотри! Дракон!

— Это статуя, дубовая башка. Разглядел? Вон еще одна, и...

— Тут, наверно, все статуи волшебные и превратятся в настоящих драконов, когда мы подойдем поближе, — уныло пробормотал Хоукрил.

— Может быть, тебе мало приключений, парнишка, и не терпится помахать мечом? — язвительно спросил Краер.

Латник, однако, заметил, что его товарищ на бегу вытряс из перчатки прикрепленную к ней удавку, и теперь она свисала с руки, готовая к использованию, а шпагу он так и не убрал в ножны.

Сад, залитый лунным светом, был прекрасен; какая жалость, что за ними гнался кто-то неведомый и они не могли позволить себе даже ненадолго задержаться и осмотреть хотя бы одну из изящных беседок, мимо которых пробегали! Впереди в серебряном свете вырисовались каменные балконы, блестели оконные стекла...

Мгновением позже на этом фоне обрисовалось темное пятно, тут же превратившееся в нечто большое и пушистое. Существо стремительно и бесшумно несло им навстречу; в лунном свете была видна разинутая пасть с белыми зубами!

— Рога тебе в бок! — выругался Хоукрил, всадив клинок в тварь, как только она оказалась на расстоянии удара. — Волк!

Он не промахнулся; было слышно, как острое с треском проехало по ребрам (Хоукрил чуть не выронил меч). Из раны на боку зверя брызнула кровь, но хищник не издал ни звука боли или ярости. Он лишь злобно щелкнул зубами и кинулся на Краера, сбив его с ног и чуть не дотянувшись до лица.

Латник проглотил готовое было сорваться с языка проклятие и рубанул волка по голове. Челюсти зверя были схвачены удавкой, ловко накинутой Краером, и квартирмейстер изо всех сил затягивал ее, стараясь не дать волку возможности добраться до горла. Хищник, похоже, не замечал рваной раны в боку, из которой так и хлестала темная жидкость, но, к счастью, не смог игнорировать второй удар Хоукрила, почти чисто отделивший голову от тела.

Краер, лежавший под тушей, издавал задушенные звуки, дергался, и Хоукрил нагнулся, чтобы скинуть труп зверя со своего...

Внезапный удар в бок чуть не вышиб из него дух. Хоукрил почувствовал, что ему стало одновременно и холодно, и жарко. Он невольно вскрикнул и рухнул на землю, впустую, не глядя, махнув мечом. Волк оказался не один.

Кровь из пасти и разрубленного горла убитого волка хлестала прямо в лицо Краеру; он захлебывался в этом горячем потоке, ничего не видел, отплевывался, кашлял, пытался перевести дух и упирался локтем в отвердевшие челюсти, пытаясь спихнуть с себя тушу. Это, вероятно, была пара легендарных дымных волков, которые всегда убивали молча... по крайней мере, он надеялся на то, что их только пара.

Хоукрил задыхался от боли, звук его хриплого дыхания был почти не слышен за ужасным лязганьем волчьих зубов. Краер, напрягая все силы, пытался выбраться из-под тяжелой мертвой мокрой туши, придавившей его к земле. Он должен был успеть вовремя прийти на помощь другу.

Ему все же удалось освободиться. Краер поспешно перекатился на живот и поднялся, шатаясь, но тут же споткнулся и снова рухнул на колени, так как земля под ним покачнулась и в лунном свете обрисовалась большая темная фигура. Она возвышалась над боровшимися Хоукрилом и волком — они катались по земле, человек бил зверя ногами в живот, — а потом огромный каменный меч тяжело поднялся («Клянись Троиими, — подумал Краер, — это каменный рыцарь!») и опустился, выбив сноп искр из каменного бордюра, ограждавшего клумбу с цветами. Смертоносный клинок вонзился в землю на расстоянии в

ширину ладони от Хоукрила, зато волк оказался разрублен надвое.

Краер уклонился от вновь поднимавшегося к темному небу меча и подскочил к своему стонущему другу.

— Вставай! — задыхаясь, выкрикнул он. — Беги, тупоголовый махала!

Хоукрил невероятным усилием поднялся, испустил звук, похожий на рыдание, и, нетвердо держась на ногах, побежал, громко топая и шатаясь, через клумбу. Квартирмейстер поддерживал его под локоть и толкал вперед.

— Двигайся, шевели ногами, двигайся!

Краер оглянулся через плечо на нагонявшего их каменного стража и увидел, что тот шагает вслед за ними с поднятым мечом, уставившись на пришельцев пустыми каменными глазами. Если он ошибался в своем предположении насчет движущего им волшебства, то жизни и карьере Краера Делнбона и Хоукрила Анхару, вне всякого сомнения, скоро предстояло закончиться. Залитые лунным светом сады были уже совсем рядом, и вскоре ему предстояло доподлинно выяснить это. Если только они не умрут раньше.

Земля сотрясалась под их еле прикасавшимися к земле ногами: каменный рыцарь догонял их. Еще один огромный шаг, пусть два, и...

Задыхаясь, они вырвались на освещенное луной место, с их плеч слетали сорванные на бегу с кустов листья, а впереди возвышался неработающий фонтан. Краер как раз вовремя ухватил Хоукрила за руку — латник покачнулся и чуть не упал — и рискнул взглянуть назад, чтобы увидеть, как рыцарь тоже выбрался на открытое место.

Проклятое чудище не застыло на свету, как он надеялся. Скоро они окажутся так близко от дворца, что даже самая ленивая, громко храпящая служанка проснется от топота каменных ног. Хотя, возможно, это не будет иметь для них никакого значения, если тяжелый каменный меч рассечет их надвое... или если их убьют алебарды стражников или заклинания волшебников.

Смерть есть смерть.

— А не платье, ради которого мы сюда полезли, — пробормотал он, видя, как каменный рыцарь, нависнув над ним, замахивается мечом, не замечая цепляющихся за клинок веток.

— Хоукрил, — прошипел он. — Видишь статую? Обойди ее и спрячься за нею!

Латник повернул к нему искаженное болью лицо и кивнул.

— А ты?

— А я попытаюсь сделать кое-что умное, — ответил Краер и был вознагражден призраком улыбки. Впрочем, она тут же вновь исчезла, так как обрушившееся вниз каменное лезвие со скрежетом, похожим на крик, вонзилось в дорожку, вымощенную разноцветными камнями — слишком мелкими, чтобы сойти для надгробия, — и в стороны разлетелся град осколков...

Эти осколки простучали по спине с трудом державшегося на ногах латника, заставив его из последних сил ускорить неуверенный бег, и чуть не разбили голову Краеру, который отчаянно, рыбкой, бросился наземь, чтобы укрыться от каменного обстрела. Квартирмейстер перекатился через голову, выплевывая грязь и тщательно подстриженную траву, и вскочил, обнаружив целеустремленно шагавшего каменного рыцаря совсем рядом с собой.

Краер протанцевал вокруг своего несокрушимого преследователя, пытаясь удалиться от статуи какого-то из владетелей Серебряного Древа, восседавшего на присевшем на задние ноги жеребце (он успел заметить, что, судя по толстому слою помета, эта поза очень впечатляла всех неблаговоспитанных птиц, водившихся на острове). Нужно было убедиться, что каменный вояка не погнался за Хоукрилом. Каменное лицо не смотрело на него, и каменные глаза оставались все такими же пустыми, но плечи все же начали поворачиваться в сторону квартирмейстера, который терпеть не мог, когда его называли Длиннопалым. А клинок тем временем снова поднялся для удара.

Значит, он ищет жертву под действием заклинания, а не потому, что им управляет какой-нибудь волшебник, бодрствующий в одной из комнат замка и направляющий удары при помощи волшебного зрения... Спасибо Троиим хотя бы за это!

Краер перевел дух и бросил еще один взгляд на статую. Да, она достаточно высокая, и Хоукрил на некоторое время оказался в безопасности под ее прикрытием. Латник стоял там и дышал настолько тяжело, что слышно было даже на таком расстоянии.

Шанс был, маленький, почти ничтожный; впрочем, они сейчас располагали только маленькими, ничтожными шансами... по крайней мере, в самое ближайшее время.

— Ну, валяй, — пробормотал квартирмейстер, — подерись с героем.

Меч каменного рыцаря снова поднялся и опустился. Конечно, этому монстру можно было не торопиться, раз противник никуда не бежал. Один удар каменного меча, не уступавшего величиной и тяжестью лошади, наверняка сокрушил бы и кого-нибудь раз-

мером с Хоукрила. А Краера Делнбона, скорее всего, размазало бы в кровавую кашу, и похороны были бы уже не нужны.

Каменное острие просвистело в воздухе, и Краер отскочил в сторону, чтобы спасти свою жизнь.

Земля за его спиной содрогнулась — очень близко, — и он изо всех сил припустил по аккуратно подстриженному газону, словно за ним по пятам гнались еще несколько волков.

Возможно, они и были где-то в отдаленной части сада. Впрочем, волнения об этом следовало отложить на потом, а сейчас ему вполне хватало нынешних забот. Квартирмейстер принялся карабкаться на каменную статую, его влажные руки то и дело соскальзывали, и он возблагодарил Троиш за то, что неведомым скульпторам пришлось в голову ваять коней с развевающимися хвостами; если бы не это, ни один отчаянный верхолаз не смог бы забраться на изваяние. Он заметил, что Хоукрил следит, широко раскрыв глаза, как он взлезает на голову лошади, а потом поднял взгляд и увидел быстро приближающегося каменного рыцаря.

Грозный страж поднял каменный меч и запрокинул голову, как будто мог видеть свою жертву. Если не удастся каким-то образом сломать ему шею, то они, несомненно, обречены. Нужно как-то заставить монстра разбиться о статую. Краер стоял на своем скульптурном насесте, напряженно выжидая. У него будет только один шанс, чтобы спрыгнуть.

Клинок опустился, громко ударился о меч статуи, отчего рыцаря слегка развернуло, таким образом лезвие на какие-то дюймы миновало Краера. Тот не стал дожидаться, пока враг сделает следующее движение,

а сразу же перепрыгнул к нему на плечо, а оттуда почти изящно взобрался на голову.

Нет, на шее не оказалось никакого шва, не чувствовалось никакой разболтанности, какая бывает в сочленениях детских кукол. Это мог быть живой человек, он ощущался живым. Живым и твердым, как камень, и этому созданию предстояло умереть здесь и сейчас: каменный меч уже устремился вверх и назад, чтобы смахнуть дерзкого с головы рыцаря.

В последнее мгновение Краер поспешно перебрался на заднюю сторону головы и повис там, цепляясь одними кончиками пальца. Рыцарь с силой ударил себя по голове, и мир вокруг Краера закачался.

Яркие вспышки с потрескиванием сбежали с неровной поверхности камня на его пальцы, и квартирмейстер отпустил руки от боли; она была так сильна, что у него не оказалось сил, даже чтобы закричать. Он рухнул на влажную траву, а высоко над ним темная масса рыцаря закачалась, на мгновение закрыла собой луну, затем начала распадаться, и Краер знал, что не сможет увернуться от этого камнепада...

Сильная рука ухватила его за локоть и швырнула на клумбу.

— Не можешь не впутаться в непр... — прорычал Хоукрил, а потом земля затряслась, и грохот заглушил все, что дальше пытался сказать латник.

От сотрясения Хоукрила подбросило вверх, и в лунном свете Краер видел, как его друг, кувыркаясь, пролетел по воздуху и грохнулся в другой угол той же самой клумбы.

И наконец, после того как смолк тяжелый грохот падающих камней, воцарилась тишина.

Краер поднялся и, не распрямляя спины, устался на поверженного рыцаря, но обломки больше не

двигались, так что он позволил себе медленно, беззвучно прошептать благодарственную молитву, одновременно озираясь в поисках волков, или вооруженных людей, или иных стражей, но с тихой радостью обнаружил, что нигде никого нет.

— Ястреб*, — прошипел квартирмейстер, — с ним покончено. Как твои дела?

— Ты что, принял меня за фельдлекаря? Откуда, ради рогов нечистого духа, я могу знать? — прорычал латник где-то вблизи. — Мои ребра... их, похоже, вовсе не осталось. Все... все раны открыты и кровоточат.

Краер проломился сквозь высокие цветы и попытался оторвать от тела Хоукрила прижатую к боку руку и осмотреть его раны, но латник легко оттолкнул друга, потом, трясаясь всем телом и задыхаясь, поднялся на ноги и, заметно шатаясь, поспешил по траве к фонтану.

Квартирмейстер несколько мгновений хмуро смотрел в спину раненому воину, а затем медленно опустился на ровно подстриженный газон и снял левый сапог. В нем оказалось полно воды, но помимо ее за невысоким голенищем отыскалась еще и привязанная к ноге маленькая, плоская стеклянная фляжка. Краер отвязал ее, взвесил было на ладони, как будто решал, стоит или не стоит расставаться с ее содержимым, но тут же, даже не обуваясь, поскакал на одной ноге вслед за своим товарищем по оружию.

Хоукрил сидел на низеньком каменном парапете фонтана. Он сразу же, без единого вопроса или колебания, вылил себе в глотку исцеляющий бальзам.

* Имя героя Хоукрил (Hawkiril) происходит от английского слова hawk — ястреб. — *Прим. перев.*

Краер крепко держал латника за руку, пока не кончился обычный в таких случаях приступ озноба, от которого человек крупно трясется всем телом и стучит зубами.

Когда все закончилось, Хоукрил посмотрел на друга — гримаса боли покинула его лицо — и сказал с необычной для него серьезностью:

— Прими мою благодарность, Краер. Я перед тобой в великом долгу.

— Не плачь, малышка, обещаю, что когда-нибудь женюсь на тебе, — шуткой ответил квартирмейстер и, перешагнув через парапет, плюхнулся в фонтан. Вода была холодной, а камни под ногами покрывала противная зеленая слизь, но он чувствовал необходимость смыть с себя кровь волка, в противном случае по его следу кинулись бы все собаки долины, включая слепых щенков и дряхлых патриархов.

Хоукрил сначала молча смотрел, как от сидевшего на корточках в каменной чаше Краера расплываются в стороны темные разводы крови, а потом последовал его примеру. Содрогнувшись от прикосновения ледяной воды, он улегся ничком, вытянувшись во весь рост, и лишь вздрогнул, ощутив прикосновение тины к истерзанному боку. Осторожно пощупав рану, он посмотрел на друга.

— А не поспешить ли нам? — спросил он. — Хозяйка уже должна была принарядиться к нашему визиту, если только она не глуха как пень.

Краер вздернул губу в невеселой усмешке, и оба злоумышленника двинулись дальше, мимо поражающих холодной красотой лужаек, беседок и арочных мостиков, изогнувшихся над прудами и протоками. Путь показался поразительно длинным. Если Вла-

дычица Самоцветов руководствовалась только слухом, а не волшебными средствами наблюдения за садом, то, возможно, Хоукрил не прав... и тогда у них появлялось немало шансов дожить до утра. Загадывать дальше квартирмейстер не собирался.

Западное крыло замка, протянувшегося вдоль невидимой отсюда стены, представляло собой нагромождение башенок, пилястр и балконов и взидало на мир, словно неведомое огромное, многоногое каменное чудовище, припавшее к земле в беспокойном сне. Но там, куда вышли два друга, мрачный серый камень менял обличье: три изящных висячих мостика и крытые многооконные галереи вели к выстроенной из молочно-белого камня Женской Башне, служившей обителью бесчисленным женам владельцев Серебряного Древа, давно покинувшим этот мир, а теперь, согласно всеобщему убеждению, являвшееся жилищем Владычицы Самоцветов. Балконы и арочные окна оказались, конечно, куда больше размером, чем виделись издали. Подойдя к подножию стены, два злоумышленника еще долго всматривались и вслушивались, пытаясь уловить хоть малейшие признаки, свидетельствующие о наличии стражи или же о какой-то тревоге в доме. Только в сказаниях бардов волшебники обладают настолько великой силой, что могут впустую растрачивать свою магию и налагать охранные заклятия на поля, леса и долины... Впрочем, те же сказания утверждают, что достаточно и одного заклятия.

Краер откинул голову, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов и встряхнул руками, расслабляя мышцы. Потом он расстегнул пояс, задрал мокрую куртку и начал разматывать с себя нечто, напоминавшее в темноте помятый латный нагрудник. Вскоре под ногами у него образовалась изрядной величины

бухта длинной темной веревки из просмоленной пеньки, которая не должна была скользить в руках даже после долгого пребывания в воде. Хоукрил наблюдал, как бывший квартирмейстер снял влажные перчатки, убрал их в карманы и неторопливо полез по стене с непринужденной ловкостью опытного верхолаза. Он выбрал колонну с каннелюрами*, проходившую через три ряда балконов, и вползал по ней, словно неторопливая тень, так беззвучно, что затаивший дыхание латник не слышал ни шороха. Вот он миновал один балкон, затем второй, поравнялся с третьим. И мгновение спустя веревка требовательно задергалась, призывая латника начать восхождение.

Хоукрил намотал веревку на кулак, уперся ногами в рифленую поверхность колонны и с мрачной решимостью начал карабкаться к глядевшим с неба крупным звездам.

Путь до третьего балкона под ярким лунным светом оказался очень длинным, так что Хоукрил с трудом переводил дух, когда наконец опустился на корточки возле Краера и дважды стукнул своего сподвижника пальцем по ноге, говоря тем самым, что готов к дальнейшим действиям. Квартирмейстер склонился к уху Хоукрила и почти беззвучно прошептал:

— Не нравятся мне все эти двери. Обычный шпагат с колокольчиком сможет поднять тревогу лучше любого колдовства.

Хоукрил обвел взглядом выходявшие на балкон двери. Они представляли собой изящно выделанные металлические рамы с большими стеклами, а за ними плотно задернутые шторы полностью скрывали от

* Каннелюры — вертикальные желобки на стволе колонны. — *Прим. перев.*

нескромных взоров все сокровища, что находились внутри, а также, возможно, и их охранников.

— Ты квартирмейстер, тебе виднее, — пробормотал он, пожав плечами. — Ну, так куда полезем?

Краер указал на закрытое ставнями маленькое окошко, находившееся на изрядном расстоянии от балкона. Хоукрил изумленно закатил глаза, но тут же улыбнулся и кивнул. Длиннопалый быстрой тенью, пригнувшись ниже края ограждения, пробежал по балкону и без колебания перебрался на стену, с изумительной непринужденностью разыскивая невидимые с двух шагов зацепки. Вокруг стояла жутковатая тишина.

Цепляясь за стену кончиками пальцев, Краер добрался до окна, легонько потянул сначала за один ставень, потом за другой и убедился, что они заперты изнутри. Впервые с тех пор, как он начал подъем по колонне, длиннорукий коротышка посмотрел вниз, удостоверился в том, что там все спокойно, ухватился одной рукой за верх ставня, с силой нажал, а потом, убедившись, что опора достаточно прочна, ухватился за нее второй рукой и повис всем своим весом.

Если бы Хоукрил не прислушивался, то он даже не заметил бы слабого протестующего стопа дерева и петель. Квартирмейстер на мгновение повис на окне, похожий на большого терпеливого паука, и вытащил из ножен, прикрепленных к предплечью, длинный нож. Хоукрил видел, как его напарник вставил лезвие в щель между ставнями, медленно и осторожно провел им вверх, приподняв невидимый крюк, и как ставень, за который он держался, распахнулся под тяжестью человеческого тела.

Краер извернулся всем телом, чтобы принять на себя удар о каменную стену — Хоукрил заметил, что

его лицо исказилось от боли, — несколько мгновений ставень с висевшим на нем человеком болтался взад-вперед в какой-то сверхъестественной тишине, а потом квартирмейстер подтянулся на руках, закинул ноги в окно и скрылся в башне.

Огромный, выше человеческого роста валун, лежавший на залитой ярким лунным светом измятой, разоренной клумбе, вдруг закачался и медленно перевернулся.

Рядом не было никого, кто мог бы толкнуть камень, из-под земли не появилось никакого чудовища, способного сдвинуть с места эту глыбу, но камень все же медленно катился в жуткой тишине, съехал с клумбы и с сухим треском столкнулся с другим камнем, с которым совсем недавно был соединен.

Потом зашевелилась каменная кисть руки; сгибая пальцы, она поползла, похожая на темного паука величиной с добрую собаку, и целенаправленно двинулась через тени, чтобы соединиться с грудой камней, бывших рукой каменного рыцаря. Камни содрогались и сползались, то и дело раздавался глухой стук, словно кто-то играл в шары. Каменная россыпь быстро обрела четкую форму.

Образовавшийся монолит пошевелился, приподнялся над землей и встал вертикально; каменная кисть грозила лунному небу, словно голова толстой неуклюжей змеи. Рука придвинулась к высокой куче камней, а затем со скоростью ястреба, кидающегося на добычу, метнулась к валуну, который первым скатился с клумбы. Вдруг над каменной россыпью заиграло множество пляшущих искр, и все камни зашевелились, покатались и начали соединяться, издавая отвратительный скрежет, вызывавший ассоциации с погребением.

нием. Сбитая голова водрузилась на плечи, упавший меч влетел в руку, и каменный рыцарь поднял голову и неторопливо встал, отбрасывая в лунном свете длинную тень. Как животное, приноживающееся к ветру, гигант несколько раз повернул голову из стороны в сторону. Он кого-то искал. Людей, которых ему не удалось убить.

В помещении не было никакого освещения, но квартирмейстер все же смог разглядеть, что очутился в длинной и узкой комнате, в боковых стенах которой имеется несколько арочных дверей, закрытых портьерами, перед ним стоит стол, слева возвышаются полки с большими клубками ниток, а справа в открытом шкафу висят пасмы непряденой шерсти. Это, несомненно, была комната для шитья и прядения, а темная фигура в дальнем конце комнаты — не задремавший стражник, а деревянный портновский манекен.

Вот и прекрасно. Нежный пряный аромат уже подсказал Краеру, что он попал в покои высокородной дамы. Он скорчился на подоконнике, прислушиваясь, приглядываясь, решил, куда следует идти, осторожно, беззвучно слез с подоконника и тихо закрыл ставни.

Краер присел в тени около стола, выждал еще несколько долгих, словно вечность, мгновений и крадучись направился к одному из проемов. Чуть-чуть раздвинув портьеры рукой с ножом, он всмотрелся в щелку. О да, он угадал верно: там находилась гардеробная. И *какая* гардеробная!

Небольшие веерные окошки, не прикрытые шторами, пропускали слабый лунный свет в комнату, которую он разглядывал, и в этом голубовато-белом освещении можно было ясно разглядеть невысокий,

изящно отделанный платяной шкаф, на котором возвышалось множество деревянных стоек, каждую украшали зазывно сверкающие тиары, гроздья играющих даже в этом скудном свете подвесок или металлические маски тончайшей работы. А на вделанных в стены крючьях и свисавших с потолка цепях висели платья. Десятки, нет, сотни ярких и элегантных одеяний, сверкавших холодным пламенем драгоценных камней!

Россыпи, гроздья, узоры из самоцветов то с ноготь величиной, а то и больше; нигде нет одиночного камня или жалкой пары или тройки... везде целостеры и черные амарилы; в глаза Краеру бросилась брошь величиной с его ладонь, украшенная редчайшими драгоценными камнями всех цветов радуги, а вот сверкающие слезинки, которые в народе называют просто морскими камешками. Клянусь рогами Владычицы, какое богатство! Даже представить себе нельзя было, чтобы такое имелось во всей Аглирте, нет, во всем Асмаранде! Ну!.. Впрочем, хватит хлопать глазами. Надо хватать что-нибудь и бежать, пока не пробудился еще какой-нибудь погибельный ужас...

Краер ухватил столько платьев, сколько смог, перекинул их через руку и повернулся, чтобы выйти туда же, откуда пришел. Он двигался с величайшей осторожностью, не издавая ни звука, который мог бы...

Из темноты внезапно, без какого-нибудь предупреждения, вырвался сноп голубого колдовского огня, который с неожиданной силой ударил его в грудь, обжег, казалось, до костей и швырнул через комнату. Краер с трудом удержался на ногах, его тащила непреодолимая сила, а он приплясывал, корчился и задыхался от боли.

Полосуемого молниями квартирмейстера проволокло через лес платьев в один из закрытых портьерами дверных проемов и вышвырнуло в комнату, под ок-

нами которой должен был, скорчившись, сидеть Хоукрил. Последним отчаянным усилием Краер метнулся к занавеске и сорвал ее.

Услышав шум за стеклом, Хоукрил резко выпрямился с мечом в руке и растерянно уставился на своего друга, корчившегося в лучах, которые убивали его. Впрочем, растерянность продолжалась всего лишь мгновение. Он яростно зарычал и, подпрыгнув, чтобы вложить в удар всю свою силу, рубанул мечом по балконной двери.

Стекло жалобно взвизгнуло и, громко зазвенев, разлетелось на осколки. Вместе с ним развеялись клубы серебряного дыма и искрящейся пылью охранные заклинания, а латник, давя осколки и угрожающе рыча, ворвался в комнату и бросился к корчившемуся в конвульсиях Краеру.

На сей раз молния оказалась серебристо-зеленой. Она протаранила могучего бойца, сшибла с ног и прижала к стене. Вслед за ним, кувыркаясь в воздухе, как сухой лист, пролетел квартирмейстер. Его придавило к стене рядом с Хоукрилом, и злая, взбудораженная, ощутимо нараставшая сила держала их там, беспомощных и почти бездыханных, не давая пошевелиться.

Он посмотрел туда, откуда вылетела молния, в соседнюю комнату, где слышались приближающиеся быстрые шаги, и приготовился увидеть страшного в гневе, как и любой другой барон, широкоплечего мужчину, который загородит собою весь проход. Но в комнату, где они были распяты у стены, вошла высокая женщина в ночной рубашке, а вокруг нее пугающе сияла мятущимися искрами аура ее колдовской силы. Владычица Самоцветов, похоже, была могущественной волшебницей.

Серые горные пики с ровными крутыми гранями, известные миру под названием Клыки Бурь, возвышались, как щит, между долиной реки Змеистой, и самыми яростными зимними ветрами, которые неустанно хлестали лежавшие севернее холмистые пустоши Далондбласа и наметали там такие сугробы, что в них могла бы скрыться высочайшая из башен самого большого замка.

Зима в Клыках Бурь — это вьюги, проносящие клочья туч по ущельям и завывающие над трупами околевших горных баранов. Зато летом караваны тяжелых телег, гремя колесами, тянутся от каменоломен вниз по дорогам процветающего баронства под названием Гончие Псы. Его правитель, жирный пьяница Бериас, моргает бесцветными водянистыми глазами, когда кто-нибудь жалуется ему на разбойников, и высылает воинов в позолоченной броне, чтобы те разбегали по дорогам и пугали своим видом дерзких злоумышленников. Над каменоломнями торчат вкривь и вкось невзрачные, если посмотреть издали, вершины и отроги хребта, именуемого Дикими скалами. А дальше за ним вздымаются мрачные горы, откуда в предгорья время от времени срываются, сокрушая все на своем пути, огромные валуны. Там обитают чудовища и отъявленные преступники, а вот законопослушные обыватели избегают Диких скал, зато много говорят о них по ночам в тавернах.

В тот самый вечер, когда Флаерос впервые вступил в Силптар, в Диких скалах взметнулся к небу язычок пламени. А около него, то и дело ругаясь по поводу того, что целую овцу не зажаришь быстро, а их костер, разложенный на открытом месте, виден издали, сидели два таких вот отъявленных преступника.

— Вот гнусь! — взревел Краер Делнбон, когда сухая ветка, которой он ворошил дрова, вдруг вспыхнула, опалив ему пальцы. — Гнусь, гнусь, гнусь!

Глядя, как он трясет пальцами и морщится от боли, высокий человек с широченными плечами, сидевший по другую сторону костра, спросил участливым тоном:

— Тебе, кажется, не хватает слов? Могу я предложить тебе «разрази меня гром», или, например, «во имя Трех!»?

Краер метнул на своего напарника взгляд, который должен был обжечь сильнее, чем то пламя, которое играло между ними, и рявкнул:

— Заткнись, Хоукрил! Заткнись!

— Для начала совсем неплохо, — без тени улыбки заметил глубоким басом латник. — Помогает нам, тупоголовым, понять, куда ты клонишь.

— Если ты уже закончил умничать, Ястреб, — прошипел Краер, — то лучше насади мясо на палку и повесь его жариться, а не то оно достанется волку. Скорее всего, на десерт, после того как он сожрет нас с тобой!

— Если ты пожелаешь направиться в волчью пасть первым, то, может быть, мне лучше вылить на тебя остатки соуса?

— А ведь у нас нет денег даже на то, чтобы купить новую бутылку, — с горечью заметил Краер.

Хоукрил пожал плечами.

— Ну и какая разница, раз мы все равно не посеем заглянуть к Гончим Псам, чтобы купить не то что соус, но даже топор, чтобы рубить дрова?

Краер вздохнул, скорбно наблюдая, как латник насаживает на палку два кровавых ломтя баранины, кивнул и улегся навзничь на камни, не обращая

ни малейшего внимания ни на кровь и жир овцы, которую он только что разделал, ни на мух, которые во множестве слетелись сюда со всей округи и теперь плотным роем восторженно жужжали над заманчивой грязью.

Сейчас, когда за их головы была назначена награда, а дома, куда можно было бы вернуться, вовсе не осталось, Хоукрил Анхару являл из себя все такого же спокойного и добродушного человека, как и в ту пору, когда он размахивал мечом в Ибрелме или оглядывался вокруг, решая, с какого из борделей лучше начать обход Силптара. С его лица не сходила чуть заметная усмешка. Высоченный, мускулистый меднокожий латник носил изрубленные наручи мастера боевого искусства. Единственным признаком растерянности у него служило многословие; обычно он был скуп на слова и говорил лишь в тех случаях, когда без этого просто нельзя было обойтись, тогда как Краер без умолку болтал, не задумываясь.

Почувствовав взгляд Краера, Хоукрил обернулся, почесал острием меча спину между лопатками и спросил, сверкнув улыбкой:

— Как ты провел время в Дранмаере, дружище?

— Не лучше, чем в Силптаре, — ответил приземистый, немного смахивавший на паука человек. — Похоже, что никто не успел позабыть того хитроумного квартирмейстера, который год назад так ловко отыскивал припрятанные харчи и зарытые кубышки с монетами.

— Ну, если бы ты, когда грабил, не отпускал бы шуточек, не пел и не жонглировал найденными монетами, словно бродячий фокусник, — спокойно сказал Хоукрил, — то людям вряд ли пришлось бы в голову обращать такое внимание на твое лицо.

— Когда мне захочется, чтобы меня ткнули рожей в мои ошибки, о Самая Длинная Дубина Среди Латников, — устало ответил Краер, — то, клянусь, я попрошу об этом именно тебя. А пока...

— О-о, мне грозит великая опасность, — пробасил Хоукрил. — Умоляю тебя, разверни передо мной ее сияющие дали, о Красноречивый; я, дрожа от нетерпения, жажду узреть сияющий клинок твоего остроумия.

— Ну а пока что ты крушишь мне ребра дубинкой своего остроумия, — беззлобно огрызнулся Краер и потянулся к поясу. Длинный нож с черным вороненым лезвием метнулся вперед как раз вовремя, чтобы подхватить палку, на которой жарился толстый кусок баранины, за мгновение до того, как она упала бы в огонь.

Память тут же извлекла картинку: человек с Островов натывается на этот самый нож, захлебывается кашлем и падает. Такая участь постигла многих. И все же, несмотря на умение убивать, которым так славился Краер Делнбон, старый квартирмейстер, Иеремборские острова так и остались непокоренными, и потому Хоукрил и Краер отправились домой на перегруженных, готовых в любой момент пойти ко дну кораблях и прибыли туда как раз вовремя, чтобы попасть в число объявленных вне закона.

Барон Черных Земель, которого звали Эзендор, был горделивым и видным собой мужчиной с железными, не знающими усталости руками, остроумием, способным сразить врага не хуже, чем меч, и притом он всегда был готов искренне рассмеяться. Под его властью Черные Земли превратились в самое большое и самое могущественное из всех баронских вла-

дений на всем протяжении реки, превзойдя по богатству Орнентар и Серебряное Древо. Деньги появились даже у простых людей, и они начали сами приглашать бардов, чтобы те слагали им новые песни... Денег в баронстве появилось столько, что оно уже могло соперничать даже со Сверкающим Городом.

Вероятно, это и послужило причиной крушения Эзендора. Богатые торговцы из Силлтара испугались возвышения барона, его полководческой мудрости и размаха. Одно дело — процветающее баронство где-то в среднем течении реки, а вот баронство, решающееся разинуть пасть даже на Иеремборские острова, — совсем иное.

Острова поднимались из моря, как стена, прикрывавшая устье реки Серебряной — пять гигантских, поросших лесом скал, — и являли собой драгоценный сад Силлтара и его тыловые защитные укрепления. Самый густонаселенный из них, Ибрелм, мог соперничать разве что с самыми маленькими баронствами, зато все пять были богаты древесиной, из которой были выстроены тесно лепящиеся друг к другу высокие дома Сверкающего Города, и медью, сверкавшей в виде чайников и кастрюль в каждой третьей лавке. И, вероятно, тамошние судовладельцы как раз и нанимали бойцов и волшебников и быстро создали такое войско, которое смогло сокрушить армию Золотого Грифона.

Краер и Хоукрил никогда прежде не видали такого множества — казалось, им нет числа — неутомимых врагов. Сокрушительный удар барона оказался отбит с еще большей силой. Немногочисленные уцелевшие и сохранившие ему верность воины поспешили после кровавых поражений вернуться домой и там узнали, что барон, их господин, погиб или

бежал, а Черные Земли захвачены его старым соперником Фаеродом, правителем Серебряного Древа. Значок Золотого Грифона теперь означал не слабую надежду на завоеванные ратным трудом достойные деньги, а, напротив, напоминал о награде, назначенной за голову обладателя этого знака. А на трон Аглирты, давно уже существовавший только в старинных легендах, вот-вот должна была опуститься задница заносчивого и безжалостного барона Серебряное Древо.

Хоукрил медленно, с удовольствием потянулся.

— Хорошо, что я иду с тобой, Краер, — медленно проговорил он, отрезая кусок мяса ножом, лезвие которого ярко сверкало в его волосатой ручище. — Может, поохотимся вместе?

Квартирмейстер пожал плечами и отвернулся, не желая, чтобы старый соратник увидел слезы, подступившие к его глазам.

— Я думаю, что дороги, лучше чем та, по которой мы с тобой идем, просто не может быть. — Против обыкновения, фраза у него получилась необыкновенно корявой. — Ну что, мясо готово?

Латник хохотнул.

— Не будь я рядом с тобой, так не разобрал бы, что ты говоришь.